

«УТВЕРЖДАЮ»

Проректор по научной работе
Санкт-Петербургского
государственного университета

С.В. Микушев

«08» октября 2025 года

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» на диссертацию Кроток Романа Николаевича «Трансформация конфессионального пространства Северо-Запада России и Прибалтики в XIX – начале XXI вв.», представленную на соискание учёной степени кандидата географических наук по специальности 1.6.13 – Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география

1. Актуальность диссертационного исследования

Диссертация Кроток Р.Н. посвящена актуальной теме выявления закономерностей, причин и региональных особенностей трансформации конфессионального пространства в восточной части Балтийского региона.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена тем, что, несмотря на продолжающиеся де-факто процессы секуляризации, активно протекавшие в последнее столетие как в Прибалтике, так и в России, религиозные воззрения населения остаются важным фактором общественно-политической жизни стран и их отдельных регионов.

Рассмотрение трансформации конфессионального пространства на примере Северо-Запада России и стран Балтии в течение XIX – начале XXI вв. является апробацией новых подходов в области конфессиональной географии и позволяет выявить закономерности в изменениях территориальной структуры геопространств основных направлений христианства в восточной части Балтийского региона.

2. Научная новизна результатов исследования

Представленное диссертационное исследование обладает определенными признаками научной новизны, среди которых следует отметить:

- авторский подход к выделению ключевых элементов территориальной структуры конфессионального пространства на основе расчёта модифицированного индекса религиозной мозаичности;
- оригинальный вариант историко-конфессионального районирования Северо-Запада России и стран Прибалтики;
- разработку типологии историко-конфессиональных районов исходя из особенностей динамики компонентной структуры конфессионального пространства;
- выявление сдвигов в территориальной структуре геопространств основных направлений христианства на Северо-Западе России и в странах Прибалтики.

3. Значимость для науки и практики результатов, полученных автором диссертации

Основное внимание в диссертационном исследовании уделено изучению трансформации конфессионального пространства Северо-Запада России (в границах экономического макрорегиона) и трёх государств Балтии – Эстонии, Латвии и Литвы – на протяжении XIX – начала XXI вв. Автор предложил собственный оригинальный подход к изучению компонентной и территориальной структуры конфессионального пространства, опираясь на разработки ведущих российских специалистов в области этноконфессиональной географии.

Теоретическая значимость рассматриваемой работы состоит не только в модернизации исследовательского аппарата, но и в интересных, хотя и дискуссионных выводах о закономерностях развития динамики конфессионального пространства. На основе динамики модифицированного индекса религиозной контактности автором предложены периодизация развития метаконфессиональной контактной зоны и вариант типологизации территории исследования на уровне историко-конфессиональных районов.

Несомненным достоинством работы является применённая автором методика расчёта необходимых количественных показателей при отсутствии прямых статистических данных. Так, проведённое сравнение конфессионального и этнического состава населения уездов Эстляндии и Лифляндии в период 1881-1897 гг. (с. 74-75) позволило сделать важные

выводы о масштабах сдвигов в конфессиональном пространстве и его территориальной устойчивости.

Диссертант продемонстрировал владение методами картографического и геоинформационного анализа, что отражено в большом количестве высокоинформативного картографического материала. Заслуживает высокой оценки использование автором математических методов обработки собранных данных, расчёт соответствующих показателей и, прежде всего, *модифицированного индекса религиозной мозаичности (ИРМ_м)* и *модифицированного индекса конфессиональной мозаичности (ИКМ_м)*.

Практическая значимость исследования заключается в том, что разработанный автором инструментарий может быть использован при изучении компонентной и территориальной структуры конфессионального пространства и его динамики в различных странах и регионах мира.

Автором выполнена творческая и оригинальная обработка, теоретическое осмысление и глубокий анализ информации, полученной при работе с материалами официальной статистики, материалами переписей населения, а также социологических опросов.

Материалы диссертации могут быть использованы в преподавании учебных дисциплин, связанных с вопросами географии населения, этнической географии и географии религии в высших учебных заведениях Российской Федерации.

4. Структура и содержание диссертационной работы

Структура диссертации логична и позволяет решать задачи методологического и методического характера.

Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения; содержит 59 рисунков (в т.ч. 50 картосхем) и 2 таблицы; список литературы включает 259 наименования, в том числе 54 – на иностранных языках. Все рисунки и таблицы составлены автором. Объем основного текста диссертации составляет 176 страниц.

Во **введении** (с. 5-9) достаточно подробно обосновывается актуальность избранной тематики, дано четкое определение объекта, предмета, цели и задач исследования, указывается его методологическая и информационная базы, раскрываются новизна и практическая значимость работы.

В **первой главе** (с. 10-48) рассмотрены теоретико-методологические основы конфессиональной географии, проведён обзор основных направлений географии религий в отечественной науке и за рубежом и

особенностей их формирования в исторический период. Автор подробно рассмотрел концепции отечественной географии, на которые опирается изучение конфессионального пространства, описал эволюцию представлений о нём, как объекте изучения географии религий.

В описании конфессионального пространства «как части *геокультурного пространства*» (с. 30), диссертант демонстрирует понимание сложности его многокомпонентной территориальной структуры, хорошо ориентируясь в существующих методиках конфессионального районирования территории. Рассматривая показатели, используемые при изучении структуры конфессионального пространства, автор обосновывает необходимость опереться в своём исследовании на *модифицированные индексы религиозной и конфессиональной мозаичности (ИРМ_м и ИКМ_м)*, а также на предложенный им *индекс религиозной контактности (ИРК)*. Применение последнего, рассчитанного по аналогии с *индексом этнической контактности (ИЭК)*, весьма дискуссионно, в силу недостаточно обоснованной объективности расчёта поправочного коэффициента «к», отражающего «межконфессиональное расстояние». Но попытка выявить характер и тесноту межконфессиональных контактов, исходя из взаимной комплиментарности представителей различных религиозных групп населения, вызывает большой интерес.

Кроме подробного разбора имеющегося научного инструментария, необходимого для проведения исследования (методы расчёта модифицированных индексов религиозной и конфессиональной мозаичности, индекса религиозной контактности и др.) в заслугу диссертанту следует поставить разработку собственной методики изучения компонентной и территориальной структуры конфессионального пространства и анализа его динамики. Так, представляет интерес описание фаз и стадий развития межконфессиональных контактных зон (с. 46-48).

Во *второй главе* диссертации (с. 49-96) рассматривается конфессиональное пространство Северо-Запада России и Прибалтики и его динамика в исторической ретроспективе до середины XX века. Автор опирается на материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., предшествовавших ей учетов населения XVIII-XIX вв. (т.н. «ревизии» и губернские переписи в Прибалтике в 1881 г.) и переписей населения, проводившихся в Эстонии, Латвии и Литве в 20-30-е гг. XX века.

Диссертант подробно рассматривает динамику конфессионального пространства исследуемого региона, включая изменение территориального устройства Русской православной церкви на Северо-Западе России. Правда, давая характеристику конфессионального пространства, автор

ограничивается только анализом соотношения доли представителей различных конфессий и динамикой *индекса религиозной мозаичности* ($ИРМ_m$), не рассматривая информацию о других его элементах: религиозно-культовой инфраструктуре, религиозном наследии, центрах управления и др., указанных в параграфе 1.2.

Представляют интерес используемые автором методы выявления конфессиональных «сдвигов» на основе сопоставления этнического и религиозного состава населения Эстонии в конце XIX века (параграф 2.3.). При этом, почему-то в работе отсутствует информация о этноконфессиональной структуре населения республики по результатам переписей населения 1922 и 1934 гг.

Третья глава диссертации (с. 97-139) по своей структуре близка к структуре второй главы и посвящена анализу конфессионального пространства Северо-Запада России и Прибалтики конца XX – начала XXI вв. В силу объективных причин – отсутствия каких-либо статистических данных о конфессиональном составе населения и уровне его религиозности в 40-80-х гг. прошлого века, как в России, так и в Прибалтике – имеется полувековой разрыв в сведениях, характеризующих конфессиональное пространство исследуемого региона. При этом, и сегодня в двух из четырёх рассматриваемых государствах – Российской Федерации и Латвийской Республике – отсутствует учёт религиозных предпочтений населения.

Тем не менее, автору удалось, используя данные социологических исследований, дать полную и детальную картину религиозной ситуации на Северо-Западе России и в Прибалтике на современном этапе. Это позволило сделать интересные выводы о росте религиозности «русскоязычного» населения Эстонии и Латвии в постсоветский период, особенно заметного на фоне продолжающейся социальной секуляризации, традиционно исповедовавших протестантизм эстонцев и латышей (с. 112, с. 123). Правда, методика расчёта конфессионального состава населения Латвии, приведённая автором в подпараграфе 3.3.2 вызывает сомнения в своей обоснованности: отнесение всех латышей к «потенциально протестантскому населению» необоснованно, также как и отнесение всех белорусов к православным. Расчёт же разности между реальным и потенциальным конфессиональным составом населения на уровне регионов Латвии по результатам переписей 1897-1935 гг. вряд ли может быть автоматически перенесён на современный период.

Четвёртая глава диссертации (с. 140-167) посвящена динамике конфессионального пространства Северо-Запада России и Прибалтики за период с конца XIX по начало XXI века. Автор провёл историко-

конфессиональное районирование рассматриваемого региона, используя современную сетку административно-территориального деления, и на основе анализа *модифицированных индексов религиозной и конфессиональной мозаичности* ($ИРМ_m$ и $ИКМ_m$) выделил конфессиональные контактные зоны. Завершающим этапом исследования является анализ трансформации компонентной и территориальной структуры конфессионального пространства Северо-Запада России и Прибалтики с объяснением причин отмеченных изменений, проявившихся в большинстве случаев в *«гетерогенизации общей конфессиональной структуры населения по причине роста удельного веса нерелигиозного населения»* (с. 166).

В *Заключении* (с. 168-176) изложены выводы диссертационного исследования.

5. Степень достоверности и обоснованности научных положений и выводов

В процессе проведения диссертационного исследования автор опирается на материалы переписей населения, содержащие вопросы о его этнической и религиозной принадлежности, в том числе: Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., национальных переписей населения Эстонии, Латвии и Литвы в период с 1920 по 1940 гг. и в начале XXI в. Также в работе использованы результаты социологических опросов населения, проведенных в Латвии (Латвийским агентством SKDS в период с 2000 по 2018 гг.) и в России (Фондом «Общественное мнение» в рамках проекта «Арена» по заказу Некоммерческой исследовательской службы «Среда» в 2012 г.).

Наряду с общенаучными методами (эволюционный, проблемный, математико-статистический и др.), диссертантом были использованы специальные географические методы. К последним относятся сравнительно-географический, хорологический, типологии, картографический, пространственного анализа и моделирования в ГИС.

Оценка трансформации конфессионального пространства Северо-Запада России и Прибалтики в XIX – начале XXI вв. проводилась с использованием количественных показателей (модифицированный индекс религиозной мозаичности, модифицированный индекс конфессиональной мозаичности). Для *«оценки инерционности территориальной структуры пространства какой-либо конфессии»* (с. 44) был применён индекс Рябцева, позволяющий выявить отношение фактической меры расхождения значений

компонентов двух структур к максимально возможной величине расхождений.

Структура диссертации, в целом, довольно логично выстроена, а отдельные главы примерно равны по объему.

Достоверность и обоснованность научных положений и методических приемов, используемых в диссертации, неоднократно подтверждалась научными публикациями и выступлениями автора на всероссийских и международных конференциях.

Данные диссертационного исследования нашли свое отражение в одном учебном пособии и в 17-ти научных публикациях, в том числе в 9-х статьях в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации. Общий объем публикаций в научных изданиях – 14 п.л., в том числе 8,5 п.л. – личный вклад автора.

6. Замечания по диссертации

В работе можно отметить ряд недостатков.

Так, рассматривая в подпараграфе 2.3.1 динамику конфессионального пространства Эстонии до начала 1940-х гг., на рис. 10 автор показывает изменение доли лютеран и православных, и, как следствие, значение модифицированного индекса религиозной мозаичности ($ИРМ_m$), сравнивая ситуацию в различные временные периоды. Но такое сравнение имеет существенный недостаток: в различные временные периоды рассчитанный показатель относится к разным территориям Эстонии. Так, если до 1917 года территория Эстонии рассматривалась в пределах соответствующих частей Эстляндской и Лифляндской губерний (без города Нарва, входившего до революции 1917 года в состав Санкт-Петербургской губернии), то данные переписей 1922 и 1934 гг. учитывают уже и территории Печорского района и города Ивангород, вошедших в состав Эстонской Республики по Тартусскому договору 1920 года. Эти территории, населенные преимущественно русскими, естественно увеличили долю православных в Эстонии. Автор сам упоминает об этом. Поэтому делать вывод о росте $ИРМ_m$ в этот период – некорректно, т.к. получается, что рассматривается территория Эстонии в разных границах. Также вызывают сомнения объективность данных об этническом и конфессиональном составе территории современной Эстонии в 1913 году, в связи с отсутствием полного учета населения в этот период.

Аналогичные замечания касаются и сравнения показателей $ИРМ_m$ в разные временные периоды в Латвии (с. 80, рис. 17) и Литве (с. 91, рис. 26), т.к. границы этих республик в первой половине XX века неоднократно

изменялись (Пыталовский район в Латвии, Клайпедский край и Виленский край в Литве). При этом, ничем не обосновано падение доли православных на территории Латвии в начале XX века, что вызывает вопросы к достоверности данных об этноконфессиональном составе Латвии на 1913 год.

Рассматривая конфессиональный состав населения Литвы по данным переписи 1897 года, автор предполагает, что большая часть белорусов, проживающих на её территории, исповедовало католицизм (с. 96). Из приведённых автором данных в рисунке 31 это не следует. В работе явно не хватает таблиц, где были бы указаны точные количественные данные по численности и удельному весу представителей той или иной конфессии в рассматриваемый период по всем административно-территориальным единицам. Приведённые в рисунках цветовые диапазоны не всегда позволяют делать обоснованные выводы, приводимые автором в тексте.

Для иллюстрации территориальной структуры конфессионального пространства современной Эстонии (подпараграф 3.2.2), автор приводит две картосхемы (рис. 36, стр. 115), которые по содержанию противоречат друг другу: вторая картосхема (в правой части рисунка) никак не может отражать ситуацию, которая на ней изображена! При низком уровне религиозности населения, например, в уезде Ляэнемаа, где эстонцы составляют абсолютное большинство населения, разность между долей протестантов и долей потенциально протестантского населения (т.е. тех же эстонцев) не может иметь положительного значения. Более того, в тех городах и уездах, где эта разность показана как отрицательная (Хийумаа, Пярну, Вильянди, Пайде и др.) она должна составлять не 2-3 процента, а на порядок больше (50-70%), т.к. при удельном весе эстонцев в населении в 80-90% доля протестантов среди всего населения этих территориальных единиц составляет менее 20%.

Предлагая вариант конфессионального районирования Северо-Запада России и Прибалтики (с. 142), автору необходимо более чётко объяснить принципы выделения конфессиональных районов. Так, например, непонятно, чем обосновано выделение Юго-Западной Эстонии и Юго-Восточной Эстонии и то, где именно проходит граница между этими районами? Аналогично, непонятно чем обосновано деление Аукштайтии (Литва) на два района? Утверждая, что *«каждый из выделенных районов обладает спецификой конфессионального состава населения или в начале интервала исследования (1897 г.), или в настоящее время»*, автор ничего не говорит о специфике конфессионального состава районов, выделенных на

территории Новгородской и Псковской области. Как не говорит и о самом принципе выделения данных районов именно в этих границах.

Рассматривая в параграфе 4.2 конфессиональные контактные зоны, диссертант предлагает значение 0,3 для *«коэффициента религиозной контрастности»* (КРК) между религиозным и нерелигиозным населением, ссылаясь на то, что подобный показатель был предложен Е.Л. Сороко, как *«коэффициент этнического расстояния»* в брачных парах между башкирами и татарами в Башкортостане. Но это не даёт ни малейшего основания применять данное значение *«для пар групп населения, включающих, с одной стороны, нерелигиозное население и, с другой стороны, приверженцев традиционных для стран направлений христианства»* (с. 156). При этом, *«для остальных пар конфессиональных групп был принят КРК, равный единице»* (с. 157). Автор не объясняет, почему и на каком основании было принято именно это значение КРК? Обоснованность использования и расчёта автором значения *«коэффициента религиозной контрастности»* вызывает вопросы.

Кроме этого, в работе можно отметить ряд небольших, но существенных ошибок, имеющих следствием следующие замечания:

1) В параграфе 3.4 (стр. 130), описывая конфессиональное пространство Литвы по данным переписи 2021 года, автор пишет: *«В значительной степени низкая религиозность населения страны связана с традиционной религией литовцев – католичеством...»*. По сравнению с другими странами Прибалтики, религиозность населения в Литве не низкая, а, наоборот, высокая: 80% жителей Литвы в ходе переписи 2021 года обозначили свою религиозную принадлежность.

2) Говоря о сокращении удельного веса православных и старообрядцев, а также *«русских и половины белорусов»* в Литве с 2001 по 2021 год (подпараграф 3.4.3, стр. 138), автор путает проценты с процентными пунктами, что не одно и то же. (Изменение с 7,0% до 5,5% – это снижение не на 1,5%, а на 21,4%!).

3) В своей работе автор неоднократно упоминает, что конфессиональное пространство Латвии за последние сто лет существенно изменилось *«из-за миграций латгальцев-католиков с территории Латгалии в другие регионы страны»* (с. 158). При этом, никаких конкретных цифр и фактов, подтверждающих значимость указанных миграционных потоков, автор не приводит.

7. Заключение о соответствии диссертации паспорту научной специальности

Диссертационное исследование Кротоков Романа Николаевича «Трансформация конфессионального пространства Северо-Запада России и Прибалтики в XIX – в начале XXI вв.» представляет собой комплексную, эмпирически обеспеченную, методологически выстроенную, самостоятельную, структурированную и завершенную работу, выполненную на актуальную тему.

Материал диссертации, в целом, соответствует поставленной цели исследования, полученные в ходе работы результаты раскрывают поставленные задачи. Высказанные замечания, отмеченные недостатки и недочеты требуют всестороннего и продуманного ответа диссертанта на заседании Диссертационного совета, но они, не снижают положительной и высокой оценки диссертационной работы Кротоков Р.Н.

Проведенное диссертационное исследование соответствует паспорту научной специальности ВАК Минобрнауки РФ: 1.6.13 – Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география в следующих пунктах:

П. 7. Географическое районообразование и районирование (кроме природно-географического).

П. 10. Геодемографическая и этнодемографическая динамика. Территориальная структура трудовых ресурсов. География миграций, в том числе временных, туристско-рекреационной мотивации и других. Географические особенности и закономерности формирования и распространения различных миграционных потоков.

П. 12. Территориальные различия в уровне, качестве и образе жизни населения; неравномерность развития территорий.

П. 16. Восприятие пространства и территориальное поведение людей и их общностей. Географическая картина мира. Научные основы конструирования географических образов и брендинга территории.

8. Заключение о соответствии диссертации требованиям «Положения о порядке присуждения ученых степеней»

Диссертация Кротоков Романа Николаевича «Трансформация конфессионального пространства Северо-Запада России и Прибалтики в XIX – начале XXI вв.», представленная на соискание ученой степени кандидата географических наук по специальности 1.6.13 – Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география, по своему содержанию, структуре, завершенности, обоснованию теоретических положений и возможности практического использования результатов соответствует положениям пп. 9-14 «Положения о порядке присуждения

ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. №842, а её автор, Кроток Роман Николаевич, заслуживает присуждения ученой степени кандидата географических наук по специальности 1.6.13. Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география.

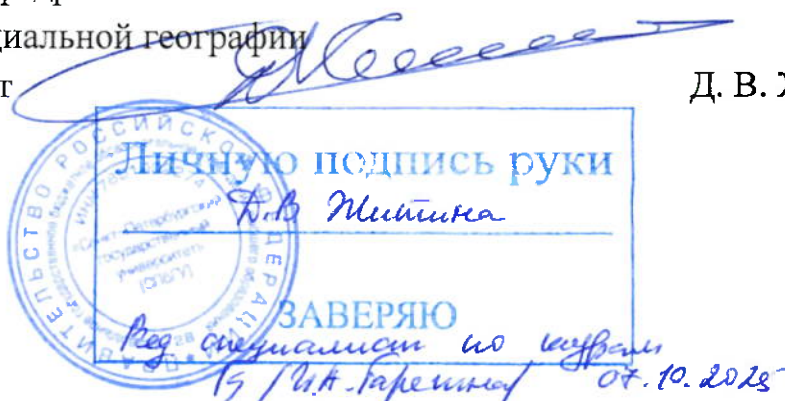
Отзыв ведущей организации на диссертацию Кроток Роман Николаевич «Трансформация конфессионального пространства Северо-Запада России и Прибалтики в XIX – начале XXI вв.» подготовлен кандидатом географических наук, доцентом кафедры экономической и социальной географии с возложенными обязанностями заведующего кафедрой экономической и социальной географии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» Житиным Дмитрием Викторовичем.

Результаты диссертационного исследования, автореферат и отзыв на диссертацию подробно обсуждены и одобрены на заседании Кафедры экономической и социальной географии Института наук о Земле Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» «03» октября 2025 года, протокол №4.

Согласен на обработку персональных данных при размещении отзыва в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

И.о. заведующего кафедрой
экономической и социальной географии
СПбГУ, к.г.н., доцент

Д. В. Житин

Наименование организации в соответствии с уставом: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (СПбГУ)

Адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. 7-9

Тел.: +7(812)328-97-01; адрес электронной почты: spbu@spbu.ru